

П. А. Безсонов

**Католический священник
Серб (Хорват) Юрий
Крижанич**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. А. Безсонов**
Католический священник Серб (Хорват) Юрий Крижанич / П. А. Безсонов –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 88 с.

ISBN 978-5-458-13438-5

Ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке, по вновь
открытым сведениям о нем

ISBN 978-5-458-13438-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

на цивилизаціи и новостъ невпданныхъ дотолѣ мѣстныхъ плодовъ ея, въ союзѣ съ красотами Юга, особенно же политическая любовь герцога Фердинанда Медичи во Флоренціи и привлекательная жизнь Венеціи, гдѣ по болѣзни Дожа послы наши долго пользовались услужливымъ приѣмомъ и встрѣчали начало 1637 года, — все это, какъ въ близкомъ послѣдствіи, такъ преимущественно на первый разъ подѣйствовало обаятельно на Русскихъ, склонило ихъ къ повторенію и поддержкѣ сношеній, отозвалось въ самомъ языкѣ нашей дипломатіи, статейныхъ списковъ и посольскихъ дѣлъ: какъ всегда въ другихъ подобныхъ случаяхъ, и здѣсь въ официальныхъ выраженіяхъ проглядываетъ наша наивная радость и, въ простотѣ сердца, гордость національнаго чувства, удовлетвореннаго новымъ союзомъ. Правда, Флоренція оказалась намъ бесполезна и остановилась внимательнѣе всего на нашихъ мѣхахъ, испросивши горностаевъ и бѣлокъ для семьи княжеской, а Венеція, въ благодарность за объявленную свободу торговли черезъ Архангельскъ, отказала однакоже, въ чемъ мы тогда наиболѣе нуждались, въ деньгахъ: но гости, какъ несбыталая диковинка, гордились тѣмъ, что служили предметомъ всѣхъ любопытныхъ взоровъ, и пресыщенной зрѣлищами Венеціанской знати, и бывалаго торговаго люда. Были здѣсь минуты и по истинѣ трогательныя: пословъ, какъ ангеловъ благой вѣсти, встрѣтили тамошніе Греки и вообще всѣ православные; въ Греческой церкви проливали умиленные слезы, произносили восторженные рѣчи. Въ толпѣ явилось слишкомъ полсотни Русскихъ, свободившихся изъ Турецкаго плена. Масса Славянъ, уже знакомыхъ намъ обитателей и пришельцевъ южнаго края, должна была дополнить собою торжество радостнаго свиданія. Въ числѣ ихъ, мы помнимъ, того же 1637 года, былъ одинъ, тогда еще безвѣстный: и его строки, начертанныя черезъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири, развернули намъ — увы — обратную сторону заманчивой картины. Съ глубокою скорбію замѣчаетъ Крижановичъ, что насъ Русскихъ обаяла приманка далекихъ, блестящихъ, но бесплодныхъ сношеній. «Замѣтили даже иностранцы, что изъ сего царства въ старину отправлялись весьма многія и даже цинѣ безпрестанно отправляются посольства, отъ которыхъ нѣтъ государству сему никакой пользы, ни репутаціи, но скорѣе величайшій вредъ, бесполезныя издержки, осмѣяніе и глубочайшее презрѣніе. Именно,

посылаются отсюда частые послы къ государямъ отдаленнѣйшимъ, къ Французу, къ Венеціанамъ, ко князю Флорентійскому, къ царю Китайскому и къ другимъ, съ которыми намъ нѣтъ никакихъ взаимныхъ оборотовъ и быть не можетъ. Дѣло это послужило причиною значительныхъ потѣхъ, а государству сему сильно убавило, почти подорвало репутацію ²⁾.» По горячимъ слѣдамъ собралъ Юрій впечатлѣнія, оставленныя нашими послами въ Венеціи и Флоренціи. «Въ Венеціи, въ гостиницу пословъ, ко времени кушанья сходилось множество Венеціанскихъ Нобилей, всѣ замаскированные, чтобъ не узнали ихъ: тамъ они глядѣли и хотели на обычай нашихъ людей за столомъ; сколько было тутъ позора, никому и не высказать. Кромѣ сего, въ тѣхъ мѣстахъ дешево вино и потому наши почти всѣ постоянно были пьяны. Часто посѣщали ихъ и пользовались у нихъ разнообразнымъ пріемомъ женщины дурнаго поведенія: мѣстнымъ жителямъ внушало это слѣдный смѣхъ и презрѣніе къ нашему народу. Какъ только послы наши вышли изъ Венеціи, тотчасъ Венеціанская печать провозгласила, что у нихъ заключенъ какой-то великій союзъ съ государемъ. Въ газетахъ рассказывали, что имъ обѣщано набирать по всей Россіи войско, до 100 тысячъ и болѣе, противъ Турокъ, а великій государь хочетъ собственными силами воевать съ Турками. Растревоженные симъ Турки умертвили Цареградскаго патріарха и Сербскаго (по той же, если не ошибаюсь, причинѣ), какъ сообщниковъ помянутого союза, а что бы ни было отсюда, только Татары рѣшительно и серьезно постановили, не принимать больше никакихъ даровъ отъ государя, напротивъ всѣми силами устремиться съ войной на Россію. И Татары исполнили рѣшеніе свое вѣрно: внесли въ Русь то опустошеніе, которое нынѣ (о горе!) созерцаемъ мы со слезами. Вотъ намъ плоды посольства въ Венецію. — Въ бытность пословъ нашихъ во Флоренціи, по газетамъ писалось объ нихъ тамъ и сямъ гнусныя пасквили: о толстыхъ рукахъ, о зловоніи, нечистоплотности, способахъ кушанья, о скародствѣ и бѣдности, о распущенности, пьянствѣ

---

²⁾ Изъ «Русскаго Государства,» не напечатанныхъ отдѣловъ; отсюда же и дальнѣйшее, стр. 485—507, «Ересь Политическая 10-я, о Посольствахъ и Посредникахъ.»

и т. д. Между прочимъ писано: какое бы вино ни посылали Московитамъ въ подарокъ, бѣлое или красное, сладкое или крѣпкое, все это сливали они въ одинъ боченокъ. Когда заходили они въ какую ни будь лавку ради товаровъ, послѣ ухода ихъ, будто бы цѣлый часъ не могъ никто войти туда или простоять тамъ, по причинѣ отвратительнаго зловонія, которое послѣ себя они оставляли, одинъ собственнымъ запахомъ, а то принесеннымъ мѣхами. Такого рода вещи казались просто невыносимы деликатнымъ взоромъ Итальянскимъ.» Наконецъ, «отъ посла, отправленнаго въ Венецію, въ Аугсбургъ (на возвратѣ) убѣжалъ (православный Русскій) священникъ, человекъ невоздержившій: Нѣмцы сочинили, будто онъ умеръ; но что послѣ было съ нимъ, неизвѣстно.» Много горечи въ этихъ строкахъ: но не для смѣха, и писалъ такъ не врагъ нашъ ³⁾.

Между тѣмъ, послѣ Вестфальскаго мира, взоры всей Южной Европы невольно и прежде всего останавливались на Австріи, Австріи Нѣмецкой; въ особенности, мы знаемъ уже, къ половинѣ столѣтія Славянамъ не оставалось ничего искать въ прежнихъ центрахъ Италіи; кто хотѣлъ изъ нихъ дѣйствовать, нужно было идти въ Вѣну. Въ самомъ дѣлѣ, Тридцатилѣтняя война, съ которою родился и съ которою прожилъ всю свою молодость нашъ Крижаничъ, никому собственно не принесла столько пользы, на доброе здоровье, какъ Австріи: это было первымъ предвѣстіемъ, что съ тѣхъ поръ всѣ великіе перевороты Европы имѣли корни въ концѣ концовъ къ одному торжеству Нѣмецкому. Если же взять весь отрѣзокъ годовъ, обреченныхъ судьбою для личной жизни Юрія, то періодъ сей былъ чистѣйшимъ пророческимъ первообразомъ того, что должно было повториться лѣтъ черезъ двѣсти: только вмѣсто Пруссіи созерцаемъ Австрію, вмѣсто Берлина Вѣну, и, чего еще не довершила одна, то на свою долю выполнила историческая Австрія XVII вѣка. Пусть лежала въ развалинахъ истощенная Германія: силы ея пошли на величіе тогдашней Имперіи, имперскія знамена могли гордиться именами

---

³⁾ Подробности о Венеціи обличающія человека, довольно времени тамъ жившаго, можно найти еще въ печатныхъ отдѣлахъ «Русскаго Государства», т. II, 325 — 330 и др.; о вредномъ дѣйствіи нашего Венеціанскаго посольства т. I, 210; о зловоніи по описанію Венеціанскихъ газетъ т. I, 149.

Максимиліана Баварскаго, Карла Лотарингскаго, Людвика Баденскаго, Евгенія Савойскаго. Рядъ Фердинандовъ упрочилъ бытіе разросшейся быстро Австріи и въ теченіе долголѣтняго царствія Леопольду оставалось только пользоваться плодами кровавыхъ войнъ, сосѣднихъ раздоровъ, релігіозной, теперь уже опредѣлившейся, смуты и сложившейся мѣстной тактики. Сцены, развернутыя для свѣта далеко за Нѣмецкіе предѣлы усердіемъ Тилли и Валленштейна, были если еще не послѣдними, если еще пророчали повторенія, то по крайности были первыми для Европы извѣдавшей «реформацію»: онѣ могли въ свою пору сравниться развѣ только съ тѣми, которыя, помнимъ мы, выполнили съ точностію подражанія, въ угоду своимъ повелителямъ, Хорватскіе баны на другомъ концѣ Австріи протпвъ Турокъ. Впервые тогда для изумленной политики представился возможнымъ и значительнымъ сердечнымъ союзъ Англіи съ возросшей Нѣмецкой Имперіей. Въ преддверіи къ сямъ успѣхамъ разбитая и проученная Данія на долго была нейтрализована—то указательнымъ перстомъ на опасную Швецію, то въ другой разъ нечаяннымъ миромъ Нѣмцовъ съ престоломъ Густава Адольфа. Голландскіе Штаты поставлены во враждебное или по крайности осторожное нейтральное отношеніе къ Франціи и Вильгельмъ Оранскій явился звѣномъ связи между ними, Англіей и Габсбургскою державой. Во Франціи царилъ «роскошный и властолюбивый» Людовикъ XIV: отъ его опасныхъ замысловъ стерегла миръ Европы та же бдительная Австрія, отъ него спасала Австрія независимость Германскихъ интересовъ; къ нему адресовали обличительныя письма великіе дѣятели Нѣмецкой мысли съ представителемъ своимъ знаменитымъ Лейбницемъ. Рейнскія области, какъ въ другую иную пору, являлись поприщемъ дѣйствій и привлекали всеобщее вниманіе: громкія пмена Меца, Туля, Вердена, Эльзаса, Страсбурга будили повсюду чуткое ухо. Какъ будто спокойный за свою свѣтскую власть, которой ничто не угрожало, имѣя подъ бокомъ возобладавшаго государя католическаго, Папа, однако, мы видѣли, строилъ и чинилъ крѣпости: по видимому уже чувствовалъ онъ то подозрѣніе, которое въ слухъ нашъ раздалось недавно изъ Ватикана на вѣхъ Нѣмецкихъ епископовъ; кажется словно помнилъ онъ, что Императоръ, если онъ не императоръ Французскій, титулуется еще Римскимъ, наследникомъ Карла; словно зналъ онъ, что Импера-

торъ Нѣмецкій, если онъ и глава католичества, то столько же можетъ быть главою протестантства, не переставая быть Императоромъ и даже Римскимъ. Съ другой стороны, къ немалому собственному удивленію, Первосвященникъ Римскій извѣдалъ впервые небывающую роль: ему случалось являться посредникомъ между державами католическими и протестантскими; опасаясь со стороны католика, встрѣчалъ онъ въ то же время еще новую странность, — дочь передоваго бойца мысли протестантской и заклатаго врага церкви, королева Христина пріютилась на вѣки при папскомъ колѣнѣхъ подъ сѣбью первосвященства. Сколько ни было здѣсь правды и противорѣчій, подозрѣнія папы все-таки были *преждевременно* настроены противъ Австріи: политическая идея, созданная ею для Европы, состояла именно въ покровительствѣ государства господствующему культу, какъ официальному, почти чиновническому учрежденію; Фердинанды и ихъ наслѣдники не любили шутить съ не-католиками и, допуская ихъ въ трактатахъ, успѣшно прижимали ихъ къ стѣнѣхъ внутри своего дома, по домашнему и патриархальному; не-католики бѣжали или стравливались въ общей травлѣ «своихъ», «несоединенныхъ» и «отчужденныхъ» вѣроисповѣданій. И вотъ особенность, которую уже прошлый разъ отмѣтили мы виднымъ образомъ въ Крижаничѣ, вотъ что, если не безотносительно на всѣ времена, то относительно его эпохи ставило далеко впередъ и неизмѣримо выше всѣхъ его возрѣнія: это — извѣстный *разрѣзъ* ихъ со всѣмъ облежавшимъ и обстоявшимъ. Въ эпоху полнаго воцаренія Германизма среди отечественнаго государства, когда все къ нему подлаживалось, одинъ Юрій, и соотечественникъ, и подданный, всею силою таланта и сердца, горячо и открыто повелъ рать мысли и слова противу всего Нѣмецкаго, ни разу не выдѣливши отсюда свою Австрію. Въ пору принудительнаго папизма, торжествовавшаго въ Имперіи, продолжалъ онъ бороться противъ всѣхъ Нѣмцовъ безъ исключенія, какъ еретиковъ, безбожниковъ и развратителей, ни разу не оговорившись въ своихъ сочиненіяхъ, что есть Нѣмцы Австрійскіе, догматическіе, вѣрующіе и благочестивые. Въ счастливые годы «реставрированнаго» католицизма шель Юрій отъ него прочь, въ пныя области Церкви.

Если кому либо, то Славянамъ подавно оставалось тянуться въ Вѣну. Послѣ несчастной судьбы, постигшей разъ за разомъ, вѣкъ

за вѣкомъ, первичныя государства и самостоятельную политическую организацию Моравіи, Болгаріи, Сербіи, Словенцевъ, Хорватовъ, Поморанъ съ вольными городами, Шлёнска (Силезіи) и Лужиць (Лузацин), передовой оплотъ тогдашняго Славянства—и по релігіозной настроенности интересовъ, и по просвѣщенію въ Европейскій уровень, и по народному направленію, обрушилось наконецъ политическое зданіе Чеховъ. Не спасли ихъ ни крайнее напряженіе силъ въ агоніи, ни слабая поддержка вспомнившей былое Моравіи и Силезіи: послѣ Бѣлогорской битвы, празднованной жестокииъ дѣдомъ Леопольда какъ вѣнецъ въ торжествѣ Габсбурговъ, тысячами потянулись изъ Чешскаго края семейства, сломлена сила дворянства, въ католическую плоскость привлечено релігіозное единство, подорвано просвѣтительное значеніе Праги, поправъ мѣстный языкъ Нѣмчиной. Это былъ вмѣстѣ и оплотъ послѣдній по тому времени: ибо за нимъ стояли только уже Польша и Россія, судьбою соблюдаемыя къ будущему. Но Польша соблюдалась развѣ только для того, чтобы въ скоромъ времени сослужить службу, завѣщанную Славянамъ,—спасти отъ гибели Вѣну, свободивъ ее отъ Турокъ. Горделивая на взглядъ чужой и великая лишь на собственный; опасная одному развѣ Московскому сосѣду, и лишь на столько, на сколько она упреждала роль послѣдняго Славянскаго государства—Россіи, какъ всякій предшественникъ загоразиваетъ собою задвѣго, поспѣшающаго на встрѣчу событіи: но, разодранная внутри и релігіознымъ раздоромъ, и самоволіемъ политическихъ слоевъ своего состава, и вторгнувшейся давно иностранщиной съ надеждою господства, Польша всякому опытному взору, не взору казенной политики и газетной молвы, а взору славянской народности представлялась въ истинномъ, то есть въ отчаянномъ видѣ. «Немного уже остается ей, особенно въ городахъ, чтобы Нѣмцы совсѣмъ не освоили ее въ собственность,»—такъ говорилъ нашъ Крижаничъ и кончилъ только задумчивымъ словомъ—«Что-то будетъ съ Россіей *)?» Не умѣвши на пользу свою спаяться съ надежной Литвою, Польша давала Австріи только одну любопытную задачу, — помирить ее съ Россіей. Вся долгая жизнь Леопольда

посвящена была одному священному служенію въ этомъ дѣлѣ: посредствовать между царемъ Алексіемъ и его королемъ сосѣдомъ. Какъ вездѣ, Крижанничъ и тутъ уразумѣлъ подлинный смыслъ событій, написалъ нѣсколько горячихъ страницъ о дипломатическомъ посредствѣ въ дѣлѣ Славянъ и отгадалъ конецъ концовъ его ⁵⁾. «Въ переговорахъ и договорахъ своихъ Нѣмцы ведутъ всѣ дѣла свои посредничествомъ.—Въ особенности тогда, какъ мы заняты какой ни будь войною, Нѣмцы умѣютъ насъ такъ напугать и свести съ ума, что повлекаютъ насъ или въ отчаяніе, или въ суетную надежду получить отъ нихъ помощь. Свѣмъ способомъ дѣлаютъ изъ насъ, что хотятъ. А между тѣмъ, какъ мы заняты другою войною, они всегда бодрствуютъ и при случаѣ что ни будь захватываютъ. Такъ въ сентябрѣ 1581 года, когда король Стефанъ (Баторіо) осаждалъ Цесковъ, Нѣмцы захватили Нарву и нѣсколько еще мѣстъ. Стефанъ произнесъ: «Я стерегу сѣти, а Нѣмцы ловить звѣря.» «Я бригу мряжь, а Нѣмцы ловеть звиря.» «Въ 1655 году, если не ошибаюсь, прислалъ сюда Цесарь посла своего, одного священника, нареченнаго Епископомъ, Аллегрета (это было извѣстное недавнее посольство), подъ видомъ посредничества, чтобы склонить къ миру. Ничего онъ другаго не сдѣлалъ и не надѣлся сдѣлать, какъ только увеличить смятеніе дѣла и посѣять новыя плевелы ⁶⁾. Ибо надѣются Австрійцы и всегда на то лишь зѣяютъ, какъ бы завладѣть Ляхами. Всею легче чаютъ этого достигъ по смерти короля Казиміра (Яна), если возникнетъ у Ляховъ война съ Русскимъ царствомъ. Мы съ условіемъ и открыто заявляемъ нашу неразумность, если надѣемся, что какой ни будь государь захочетъ быть для насъ добрымъ поручителемъ и посредникомъ... Дѣло постыдное и прискорбное: сами некогда еще до сихъ поръ не пригласили они ни насъ, ни Поляковъ, къ какимъ ни будь дѣламъ своимъ въ поручители и посредники; а мы до того дѣти и простяки, что во всякомъ дѣлѣ приглашаемъ ихъ, столь гордыхъ нашихъ презрителей.—*Не вижу я, какимъ образомъ ссоры наши съ Ляхами относятся могутъ*

---

⁵⁾ Въ не печатанныхъ отдѣлахъ «Русск. Госуд.»

⁶⁾ Это дословно совпадаетъ съ отзывами нашихъ совѣщавшихся пословъ объ Аллегретѣ: Одоевскій говорилъ, что онъ вмѣсто посредничества царскому дѣлу только помѣшку чинить.»

къ Нѣмцамъ, Французамъ или Англичанамъ. Одно только вѣрно: эти всѣ хищническіе народы Русскимъ и Полякамъ суть заклятыя и неумолимые враги, не лучше самихъ демоновъ; а Русскимъ еще больше, чѣмъ Ляхамъ и какимъ ни будь инымъ народамъ. Ничего другаго столько они не желаютъ намъ, какъ только того, чтобы мы оба взаимно другъ друга истребили до конца. — Нѣмцы ревниво настоятъ удерживать за собою эти ссылки и посредничества: ибо надѣются симъ воспользоваться къ обладанію королевствомъ Ляхскимъ. Надеждою своею они уже поглотили и пожрали его: зѣлютъ также точно и на Русское царство; уже при Ѳедорѣ Ивановичѣ искали къ тому способовъ.» Юрій какъ будто видитъ передъ собою кандидатуру, предложенную Леопольдомъ на престолъ Польскій; какъ будто слышитъ желанія—увы—своихъ соотчичей Хорватовъ, которые искорѣ мы встрѣтимъ и которыхъ самую Москву готовились положить къ подножію престола Цесарскаго.—Такъ, говоримъ, въ дѣйствительности, Чехи были ближайшимъ и послѣднимъ павшимъ въ то время, оплотомъ Славянства: всѣ попытки съ тѣхъ поръ воротить утраченное были сколько естественны, столько же излишны и безплодны. Напрасно, какъ за соломинку, схватились Австрійскіе Славяне за мысль о союзѣ съ Венграмъ, также въ первый разъ тогда, также пророчески не въ послѣдній: племена Ракоци и Текели не спасли позора ихъ неудачи и самъ благодушный нашъ Алексѣй Михайловичъ, и наши господствующіе доселѣ учебники исторіи, клеймили и клеймятъ тѣ дѣла прозвищемъ «бунта,» за отчизну, за Славянство, противу Нѣмцевъ! Душею самаго смѣлаго движенія въ этомъ родѣ былъ знаменитый Хорватскій банъ Петръ Зринскій, братъ знакомаго намъ Николая и ближайшій родичъ-землякъ Крижанича. Больше чѣмъ извѣстно, между Славянами почетно предпріятіе, задуманное пнѣ по смерти брата съ зятемъ Францомъ Ракоци, съ шуриномъ Франкапаномъ, Словенскимъ вождемъ, любимцемъ Екатерины Зринской, Таттенбахомъ и палатиномъ Венгерскимъ. Увы. Юрій привылъ въ Вѣну не задолго до того, какъ земля обогрилась кровью казненныхъ за неудачу славныхъ его соотчичей, а Загребъ, Чаковецъ и всѣ родные края, свидѣтели дѣтек ихъ дѣтъ Юрій, имѣвшаго рода и потомъ Зринскихъ, опустошены были Нѣмецкими завладѣвшими руками.

Въ Европейской исторіи, неизмѣнно повторяясь, увидѣли уже

опредѣлиться въкоторыя признаки или симптомы, по которымъ можно на вѣрное судить о событіяхъ и даже ихъ отчасти предсказывать. Такъ, на примѣръ, быстрое появленіе и успѣвное расположеніе Евреевъ въ центрѣ извѣстнаго государства свидѣтельствуесть постоянно о наступающемъ неотвратимомъ его разложеніи. Подобнымъ образомъ, примѣнительно къ Славянамъ, ступеніе ихъ съ разныхъ сторонъ въ извѣстныхъ родныхъ городахъ възапросовъ вѣры или науки указывалъ всегда на процвѣтаніе Славянскаго края: эту роль, извѣстно, выполняли по очереди Прага, Краковъ, Вильна, Львовъ, Кіевъ, Москва. Но, совсѣмъ напротивъ, столпленіе Славянъ въ столицѣ иноземной всегда было признакомъ порабощенія ихъ, въ сферѣ политической и нравственной: неизмѣнное явленіе сего рода имѣло мѣсто въ Царьградѣ, потомъ въ Венеціи, въ Боловнѣ и Римѣ, далѣе— именно теперь— въ Вѣнѣ. на первый для нея разъ, а послѣ, на нашихъ глазахъ, въ Парижѣ и, вѣроятно, скоро послѣдуетъ въ Берлинѣ, куда передовые Славяне, ученые и образованные, успѣли уже проложить путь землякамъ своимъ. Въ Вѣнѣ тогда могъ встрѣтить Крижаничъ все, что было отборнѣйшаго въ образованномъ и искательномъ Славянскомъ мѣрѣ: тамъ, съ помощію пятригъ придворныхъ, принарались за мѣста и поддержку католическіе и православные епископы изъ земель Славянскихъ; тамъ, среди вліятельныхъ людей, легко было видѣться путнику съ обоими родичами, знаменитыми Зринскимъ, и всѣми крупными лицами Хорватовъ; тамъ, на ступеняхъ уже иноземнаго трона, стояли Чешскіе вельможи, и канцлеръ Ностицъ, и этотъ, вліятельнѣйшій на Леопольда, Лобковичъ, родня упомянутому прежде Карамуселю, знакомый хорошо посламъ Русскимъ и тогда не успѣвшимъ еще, подобно Зринскимъ, обрушиться на себя кару подозрительнаго Императора; тамъ же находился придворный капелланъ, близкій Леваковичу и Крижаничу, Главиничъ; наконецъ постоянный приставъ, провожатый и переводчикъ пословъ Русскихъ, чешскій герольдъ Лаврентій Кприловичъ Куреличъ (Кураличъ) и т. д. Вѣна впервые сдѣлалась «почти» Славянскою,— характеръ, который поддерживаетъ она доселѣ, съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, что во главѣ всего возвышались Нѣмцы, а надъ ними недавній Чешскій и Венгерскій король, только что провозглашенный Императоромъ, юный Леопольдъ: флегматическій и осторожливый; предназначавшійся когда-

то къ духовному званію и потому присно богобоязненный; средѣ потоковъ крови, смуть, козней и предательствъ съ вѣчнымъ именемъ Божества на устахъ; очаровавшій нашего благочестиваго Алексѣя Михайловича; ревностный попечитель о бѣдныхъ, больныхъ и раненыхъ — Иѣмцахъ. Но, какъ прежде въ Болоніи, Венеціи и Римѣ, такъ и здѣсь, ни Славяно, ни привлекательный благочестіемъ Леопольдъ не вызвали у Крижановича ни воспоминанія, ни черты, ни слова и звука. Все его вниманіе поглощено было однимъ: онъ видѣлъ въ Вѣнѣ только *Нѣмцовъ* и *Русскихъ*, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою.

Отчасти старше другихъ, а особенно всѣхъ податливѣе на дипломатическія сношенія съ нами были, какъ и слѣдовало ожидать, представители тогдашнихъ Нѣмцовъ, то есть Цесари, именно Австрійскіе: а изъ всѣхъ нихъ счастливѣе, настоятельнѣе и вліятельнѣе былъ Леопольдъ, съ самыхъ первыхъ дней его императорства. Добродушный Алексѣй Михайловичъ всю жизнь до кончины былъ глубоко убѣжденъ, что имѣетъ въ немъ самаго искренняго и пріязненнаго друга: думалъ и выражалъ то словами, а слова о взаимной тѣсной пріязни вторились на языкѣ обоюдной дипломатіи. Дружбу свою къ Россіи императоръ простеръ и за гробъ Алексіа, до первыхъ лѣтъ возмужавшаго Петра. Правда, всѣ многочисленныя, чуть не ежегодно совершавшіяся пересылки исылки сосредоточивались на немногихъ предметахъ: на умаленіи нашего царскаго титула, которому Леопольдъ упорно, почти до конца, не уступалъ «Величества»; на вызовѣ насъ къ союзу и вѣчному миру съ Польшей, чего однако не послѣдовало при семъ посредничествѣ; на общемъ ополченіи противу Турокъ, отъ чего долго въ кривъ и въ косъ на дѣлѣ уклонялся Императоръ вопреки нашему приглашенію; на всемѣрномъ отвлеченіи Руси отъ союза съ Франціей, въ чемъ много успѣвалъ глава Германіи; на стараніи распространить у насъ вліяніе и власть іезуитовъ, что не всемѣ удалось, и на естественномъ приливѣ въ нашу службу, въ слѣдъ за послами, пришельцевъ Нѣмцовъ, что удалось какъ нельзя болѣе; наконецъ, при пышныхъ встрѣчахъ и пріемахъ, на усиленномъ вымаганіи нашей казны и подарковъ, особенно соболевыхъ, и на сравнительно-скромныхъ отвѣтныхъ дарахъ скупой Вѣны. То есть, все это если не было намъ вредно, то по крайности бесполезно: а сколько при этомъ было поводовъ къ